

Когда появился в нашей литературе первый сборник Ахматовой «Вечер», стало расти, постоянно увеличиваясь, число ценителей ее поэзии, многих из которых, говоря словами В. Каверина, можно с полным правом назвать «людьми чести», сохранившими преданность Анне Андреевне и в дни светлые, и в дни угнетающего безвременья ждановщины. Одним из таких «людей чести» была художница Антонина Васильевна Любимова, дружившая с Анной Андреевной почти два десятилетия. Однако роднила ее с Ахматовой и сложная творческая судьба. Выпускница факультета живописи Академии художеств [нынешний институт имени Репина в Ленинграде], она в конце 40-х годов, во времена гонения на деятелей культуры, жила трудно, не имея заказов, исключалась из Союза художников СССР, в котором позже была восстановлена. А. В. Любимова оставила для нас ценный литературный документ — свои воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой — дневниковые записи.

Фрагменты из рукописи А. ЛЮБИМОВОЙ.

1 СЕНТЯБРЯ 1944 г. Анну Андреевну я впервые увидела на устном альманахе в Доме писателей 19 июня 1944 года. Мне вдруг неотступно захотелось ее написать. Анна Андреевна сказала, что я 22-й художник, которому ей приходится позировать: «И, надо сказать, делать это я умею». 28 ИЮНЯ 1945 г. 25 июня была у Анны Андреевны. Вчера был ее день рождения. Рассказала про Ташкент, как через город — вполне европейский — проходили караваны. И люди, и верблюды равнодушно проходят, ни на что не обращая внимания, «из пустыни в пустыню». Анна Андреевна прочла «Эпиграм».

Говорили немного про блокаду. Я люблю с ней об этом говорить — она единственная, кто понимает это время, как надо и как тогда все это было и могло быть, хотя сама здесь, к счастью, в самые страшные месяцы не была. Согласилась со мной, что Вера Инбер написала в своей поэме нехорошие слова: «Чтоб ты ослеп... чтоб потерял ты карточки на хлеб...» По-моему, так написать мог только человек, не видевший голода в его настоящем страшном виде, хотя и проживший в Ленинграде. Сказала я о своих мыслях, что прожить здесь блокаду не заслуга, а особое проклятие, что огрубела душа и, наверно, испорчена навеки, хотя и нет как будто преступлений, за которые ссылают на каторгу, что нас, оставшихся в живых, надо как-нибудь, хоть немного, наказать. Анна Андреевна сказала: «Наложить покаяние».

1 АВГУСТА 1945 г. Сегодня была у Анны Андреевны. Читала мне Бодлера по-французски. «Гармонию вечера» и «Художники», где изображается Рембрандт и в его характеристике употреблено слово «госпиталь». Прочитала по-английски Кита, сразу переведа по-русски. Я спросила, права ли я, думая, что художник, поэт пишет всегда себя и о себе, даже если берет такую внешнюю тему, как война, блокада, какое-либо историческое событие. Его душа, характер его жизни — основное содержание произведения искусства — и основная причина его написания. Но вся эта внешняя окружающая жизнь неизбежно отразится в этом произведении, потому что она формировала характер художника. И хочет или не хочет этого сам автор или редакция, но век и год ее создания мы всегда узнаем из самой вещи. Так что напрасно притягивать художников к теме дня и еще хуже — к «злоте дня», и постоянно давать им заказы на отражение современности, она все равно отразится, помню нашего желания.

«Зажгут фонари — напишут стихи, потухнут фонари — напишут стихи», — ответила Анна Андреевна. «Бытие определяет сознание» — да, но и сознание формирует и совершенствует бытие. Это как два цвета, лежащие рядом, взаимно влияя друг на друга и стирают резкие грани собственными рефлексами-отражениями. Поэтому пишешь себя и о себе, но вся внешняя жизнь — и страна, и война, и политика — все изменяет, влияет и расщепливает душу, вливается в твое сознание, которое будет, тем самым, всегда современным.

4 ОКТЯБРЯ 1945 г. Сегодня пошла с красными кленовыми листьями, с этюдами Летнего сада, двором последней квартиры Пушкина, с литографиями, которые подарила ей. Наверно, от любви, говорила, что все нравится. Говорили о действительности, о настоящей правде и как эту действительность иногда изображают: что-то сюсюкают в стихах о цветочках и бабочках на полях сражений, о цветущих яблонях среди разгрошенных домов и т. д. Это называется оптимизмом. Правда и натура какутся пессимизмом. Рассказала, как в Ташкенте инвалиды на каждом шагу, и ночью слышен особый костяной стук их деревяшек по тротуару. «на трех человек — три ноги, это хорошо». Напротив ее квартиры был госпиталь.

«В Ташкенте в последнее время нам было уже хорошо, от литературы оставалось, мы это отлавливали другим, более голодным». «Это не заслуга (почти крикнула), и ни один грех с меня не снимается».

«У Вас их и нет», — сказала я. 2 АПРЕЛЯ, 1946 г. Вчера была у Анны Андреевны. «Я уезжаю в Москву!» — «Надолго?» — «Не знаю, заходите сегодня Я буду занята, но мы поговорим, попрощаемся». В комнате горела небольшая настольная лампа, она горит теперь почти всегда. Сидели у письменного стола. Ежеминутно стучали в стену или в дверь — звонил телефон. Сын, видимо, готовил в кухне, она приносила и обеды: яйца, картошка в кожуре, хлеб ломала от большого куска («Нож тупой», — показала).

Я стала точить этот ножик о чайное блюдце.

Показала первый номер «Звезды» за 46-й год, где напечатано несколько ее вещей, очень хороших, в том числе «Хозяйка», про которое Б. Пастернак сказал: «В средние века за это стихотворение Вас сожгли бы на костре». Она ответила: «Я думаю, еще до этого стихотворения...» И добавила: «Конечно, давно сожгли бы всю Вашу деятельность». Посмотрела на меня и засмеялась. В этом же номере я обратила внимание на ее стихотворение Анненскому и спросила: «Знаете ли «Два паруса лодки одной»?» — «Ну, еще бы!»

Угадаешь ты ее не сразу, Жуткую и темную сразу, Ту, что люди нежно называют, От которой люди умирают. Первый признак — странное веселье, Слово ты пила хмельное зелье. А потом печаль, Печаль такая, Что нельзя вздохнуть, Изнемогая, Только третий признак настоящий: Если сердце замирает слабее И мерцают в темном зоре свечи. Это значит — ветер новой встречи.

Ночью ты предчувствим томира: Над собой увидишь серафима, А лицо его тебе знакомо... И накинет душная истома На тебе атласный черный полог. Будет сон твой тяжел и недолог... А наутро встанешь с новой загадкой, Но уже не ясной и не сладкой, И омоешь пыточную кровью. То, что люди называли любовью. Анна АХМАТОВА (1912)

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

«А НАУТРО ВСТАНЕШЬ С НОВОЮ ЗАГАДКОЙ...»

Каждый день мы узнаем новое о судьбе Анны АХМАТОВОЙ. Но знаем еще не все...

В доме ничего не было, так как «из дома первого мужа, из Детского Села, пришла сюда, имея только два платья: голубое и желтое, каждую кастрюлю приходилось просить у «злых соседок».

11 ДЕКАБРЯ 1946 г. Была у А. А., взяла полманные очки, чтобы отвести в починку. Она — на ногах, вчера выходила. Рассказала о Чингисхане, скачущем по степи и зовущем жену — ее у него украли: читает «Откровенное сказание». Говорили о «Синоптических евангелиях Байера», а — об отсутствии сведений о Христе у современных. Она ответила: «Не хочу даже думать об этом, не будем. Для меня его существование несомненно, как и Будды, и Магомета».

Перед уходом немного посидели у печки, говорили по поводу моего рассказа, слышанного от монтера, бывшего в конце войны в Германии, о заграничных «удобствах» жизни. Анна Андреевна, как всегда, рьяно нападала на жизненную скуку, царящую в Европе и особенно в Америке, об «отвратительном стиле германских городов», и в первую очередь Берлина, который, «конечно, самый безобразный город». Рассказала, как еще в 1910 году Берхард, приехавший в Москву и Петербург, восхищался особой интересностью русской жизни. «Какие характеры!» — говорил он.

Сегодня занесла ей давно обещанные спички, много, а то закуливает от печи, совершенно ужасно: таскает головни, как еще не спалила глаза. 13 АВГУСТА, 1947 г. В этот раз была у Анны Андреевны всего несколько минут — она собиралась уходить. Показала бумажку — «разрешение на получение литературной карточки». Я была огорчена, я думала, что уж карточек-то ее не лишили и из Союза писателей не исключили после этого постановления о «Звезде» и «Ленинграде». А оказывается, было и то, и другое...

5 АПРЕЛЯ, 1948 г. В субботу 3-го была в «Фонтанном доме».

На днях она получила медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Узнала, сказала: «Выписана она была давно, но во время этого ужаса из Союза писателей мне не сообщали». Сказала все это быстро, как бы вскользь. Да, конечно. Тогда никто из писателей с ней не здоровался (даже, за единичными исключениями, она считалась как бы «врагом народа», как у нас иногда лю-

бить выставлять лучших людей, вместо того, чтобы ими гордиться). Ведь в этом постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» все, что касается Ахматовой (как и Зощенко), была одна сплошная клевета. Назвали «внутренней эмигранткой», в подтверждение привели только три строки первой строфы замечательного стихотворения, нарочно скрыв четвертую и тем самым исказив смысл и мысль этой чудесной строфы:

Все расхищено, предано, продано, Черной смерти мелькало крыло. Все голодной тоскою изглодано, Отчего же нам стало светло?

Эту последнюю строку спрятали «горе-критики», рассчитывая, наверно, на абсолютное невежество газетных читателей и вообще современного советского общества, не видевшего совсем в последние время книг Ахматовой. Молодое поколение, конечно, не видело и не читало ее книг, и его легко можно надуть, но старшее поколение знает и едва ли их забудет, несмотря на распоряжение.

4 МАЯ, 1948 г. Заходила (перед отъездом) к Анне Андреевне. Отнесла обещанную «Ночь». Вышел открывать дверь Лев, ахал перед этой, как будто всерьез. Анна Андреевна уверяла, что он это вполне искренне. Я же

глупо покраснела, побороть этого не могла, и Анна Андреевна сказала, что похвалу иногда забывает, а хулу помнит всю жизнь, но и то, и другое слушает одинаково равнодушно: «Один час хулы живет в душе дольше и сильнее, чем годы похвал».

Я рассказала о своем посещении Б. Эсена на 5-й линии, о неприятном впечатлении от этого места и лечения там. Оказывается, Лев там служил эту зиму библиотекарем после того, как его уволили из Академии наук. «Выдавал книги сумасшедшим, они на него не производили никакого впечатления», — сказала Анна Андреевна. Я внутренне замерла: какую волю он должен иметь — этот росток, чтобы пробиться. В ссылке он занимался много, по возвращении сдавал университетские экзамены и постоянно был уволенным с работы. Ну, а помимо всего остального, как жить на 300 рублей? Чем больше я туда хожу, тем больше покоряет меня высота этого дома.

19 ФЕВРАЛЯ, 1949 г., суббота. Вчера ездила к Анне Андреевне.

Она показала веселой, а главное — в новых ботинках, я рада невероятно. 16 февраля, в день именин, звонила, чтобы узнать, когда можно зайти, сказала ей: «Поздрав-

ние — бывший Николаевский госпиталь, где умер Мусоргский. «Страшное место», — сказала Анна Андреевна об этом доме.

Затем говорили о русской классической литературе — о любимых писателях. У Ахматовой: Герцен, Салтыков-Щедрин, Лесков, Л. Толстой. Я сказала, что Чехова не могу читать сейчас и что его герои меня раздражают нытьем. «А разве Чехов — классик?» — спросила Анна Андреевна. И далее продолжила: «Он выдумал своих «нытиков».

20 ИЮЛЯ, 1963 г. В позашелую среду — 10.VII — была у Анны Андреевны в Комарове. Показала шведский журнал с ее стихами. Дала прочесть газету, где есть ее портрет работы скульптора Астапова, который лепил ее в прошлом году в Доме творчества в Репине. Я просмотрела очень много маленьких форматов — стихи, вышедшие в 60-м году. Затем она дала прочесть «Реквием».

Здесь у нас пишет о ней Максимов, который писал о Тинянове очень хорошо. «У него определенный план, с которым он подходит к писателю», — Тинянову это подошло, а ко мне не подходит. Написаны тонны рукописей, но не то». Очень хорошо Анна Андреевна отзывалась о вешах Солженицына, напечатанных в журнале «Новый мир». Когда я сказала, что не читала и не слышала об этом, рассердилась на меня: «Это нельзя не знать».

16 МАРТА, 1966 г. Сколько глаз человеческих отражали ее с любовью и поклонением, в глазах скольких художников она жила — в моих — поселилась давно и навеки.

А. А. соединила в себе многовековую культуру человечества, она впитала в себя античную эллинскую поэзию Алкея и Сафо, чей профиль в V и VI веках до н. э. вырезали на монетах лесбийских городов. Любила читать римских поэтов: Горация, Вергилия, элгии Проперция, творения Данте. И в ее наружности было что-то античное, чем-то напоминала чернотуристую роспись античных ваз. Она образованный человек нашего времени читавшая на четырех еврейских языках, любила поэзию читать в подлинниках. Она вобрала в себя и древнерусскую, славянскую культуру: в наружности и характере ее было что-то новгородское: гордая сила и несгибаемость русской души. Такой, например, я представляю себе Марфу-посадницу и княгиню Ольгу. А. А. принадлежит народу русскому, и, наверно, народ напишет ее биографию, а не только тот или иной отдельный биограф. А. А., в сущности, никогда не имела семьи, и, кажется, не было человека более заброшенного, чем она, особенно в период ее жизни в «Фонтанном доме» после возвращения из эвакуации. Но ее семей, может быть, в большей степени опять-таки был весь наш народ — ее читатель, которого она любила, воспитывала своими книгами и ни-

когда никому, кажется, не отказала в приеме. Но правительство наше, Министерство культуры и пр. (Союз писателей), к сожалению, недостаточно ценили и берегли ее, недостаточно почитали и гордились Ахматовой, первым поэтом в России и в мире в нашем XX веке. Она порою не имела самых простых и удобных вещей, не говоря уже о каком-то излеществе или богатстве, и не обращала на это внимание: пела, как птица, в любой обстановке, в любом месте. Матрас ее лежал на кирпиче — это было диваном, где спала. Так и говорила о себе: «Спала на кирпичах». Не имела обыкновенной садовой скамейки со спинкой, сидела, как выразился, «на ступеньках», где сочиняла стихи. Эти ступеньки я задумала нарисовать и рисовала их с ревом, со слезами летом 1965 года. Я никого не осуждала, все заняты, всем некогда, но лишь проклинаю себя, свою нерешительность за то, что в эти последние три-четыре года не обмоблировала ее комаровский домик. Как это всегда хотелось мне. Я не знала, как это сделать, не рассердив и не обидев ее, боялась ее потерять для себя: «Я не любила с давних дней, чтобы меня жалели...»

Предисловие к публикации А. КАЗАКОВА и С. УМНИКОВА. Ленинград.